

век. 19-20

Смена - Санкт-Петербург, 1941. - 19 мая - с. 6

ВОТ И СКАЗОЧКЕ КОНЕЦ...

«В черном-черном городе на черной-черной улице в черном-черном доме жила черная-черная рука». Помните, как мы в детстве любили пугать друг друга такими байками?

...Из-за ширмы показавшая страшная зеленая ладонь.

А-а-а-а!

На сцене Кукольного театра спектакль «Сказка о рыбаке и рыбке» (режиссер В. Яковлев, художник А. Яковлев).

— Вам в самом деле было страшно? — усмехнувшись, спросила меня после спектакля Белла Анатольевна Усаянова, педагог театра.

— Да, — пристыженно ответила я. — Но интересно. Я вообще люблю всякие ужасы и кино, в литературе.

В этом спектакле чувствовалось влияние страшных сказок из детского фольклора — вспоминала Белла Анатольевна. — Одна из таких страшных — большая рука чудовища. Эти страшники в спектакле помогают детям нажать свои собственные страхи. То, с чем дети боятся школы. В нашем театре ребенок может посмотреть на свой страх и

преодолеть его. В «Сказке» пугают так тонко, как будто раскрывают все секреты страха, показывают, что за этим страхом что-то такое доброе скрывается... Например, в сцене, где появляется дракон, режиссер сознательно делает так, что он появляется сплывающим. Дети видят, что это враг. Они узнают балалайку на боку у актера, и, когда дракон поворачивается — он страшнее, но ребенок вспоминает, что была эта сплывающая рука, что в шкуре чудовища — актер.

— Вы разговариваете с детьми после спектакля?

— Да. Дети всегда спрашивают, почему Иван — такой лентяй — стал героем, добился чего-то, к чему он и не стремился. Естественно, я не даю ни ответа, ни сами его ищут и находят.

Я не ребенок, многих вещей уже не понимаю, поэтому спрашиваю.

— И какой же ответ?

— Он был добрый, честный, поэтому ему, а не удавцу. То есть он лентяй и бездельник просто потому, что не хочет участвовать в плохом, в злостных делах.

М-да, где найти такую пещеру?

завалился на нее — и жалачи сам в рот падают? Только в сказке. В русской сказке.

— По-моему, трудно было бы взрослому человеку, воспитанному на примере Иванушки-дурачка. Сейчас театр должен учить детей быть предприимчивыми, инициативными.

— Предприимчивыми... — коротким эхом отозвалась Белла Анатольевна.

В нашем разговоре — небольшая заминка.

Несколько лет тому назад, когда билет в театр стоил 30 копеек, кукольщики долго чесали в затылке, прежде чем решились, понуждаемые обстоятельствами, пойти на драконовские меры: повысить цену на десять копеек. (Сейчас билет стоит 4 рубля, и это не кажется дорогим.)

Приходят предприниматели, предлагают: «Вы нам несколько комнат, а мы вас озолотим».

Но кукольщики поблажались. Частные хозяйства, выезжающие под крышу бедных государственных родственников, имеют свойство разбухать как дрожжевое тесто и вылезать из стесненной емкости, тесня хозяев.

Присоединить к себе видеоклуб или дискотеку? В театре считают, что это было бы некрасивое соседство.

Недавно в театре все-таки зажурили глаза и пустили кордебалет в фойе. Те обещали торговать только легальными мартишками по рублю. Такие замечательные мартишки — и всего по рублю. Ладно, махнули кукольщики рукой, давайте. Мартишки вскоре исчезли, а их место заняли бусы и клипсы. Опять головная боль: разве можно в мальшом театре держать коммерческий лаек?

Смешные, старомодные переживания. Да еще при таких

смешных зарплатах...

— Что касается предпринимчивости, то у нас есть один спектакль — «Лисенок-плутик», — говорит Белла Анатольевна, — в нем создана шуточная модель конкурентной борьбы.

Там такие герои: лисенок-плут — это существо, которое обманывает всех. Он традиционно хитер и пытается вызвать на единоборство зайчика, который, естественно, традиционно трус. И тут режиссер делает такой переворот: выясняется, что зайчик хитрее лисенка. И все это разворачивается в замечательной, веселой и остроумной игре. Есть еще третий герой — медвежонок. Ставкиваются два типа поведения. Лисенок ведет себя в соответствии со стереотипом: если лисы хитры, значит, и тот же хитер; медвежонок тоже в плену стереотипа, он думает, что все берется силой — вот толпу и добьюсь. А зайчонок

не соглашается быть трусишкой, не соглашается быть обманутым. Он умный и показывает просто чудеса сопротивления, жизневадного сопротивления.

Этот спектакль лечит детей. Я давала ребятам порисовать сначала перед, а потом — после спектакля. И по рисункам, сделанным до спектакля, я

увидела, что у нас гораздо больше, чем я предполагала, детей очень одиноких, отверженных в семье, и от этих рисунков даже исходило ощущение какой-то болезненности. И насколько же лучше дети стали рисовать после спектакля! Уверенные стали линии, композиция появлялась — даже у детей, которые рисовали только какие-то разрозненные фигуры. Вошел цвет — дети не брали цветные фломастеры до спектакля.

В МИРЕ кукольного театра, как и везде, наступает пора

нового экономического мышления. Его приверженцы смотрят на Запад. А там кукольник — это папа Карло, Карабас-Барабас в Буратино в одном лице. Он сам делает кукол, сам ставит спектакль и сам выступает. Все чудеса уместятся в одном чмодачке. Иногда кукольник имеет одного-двух подручных, но и то только в сказочных кукольных театрах, где в штате по восемьдесят человек, как в нашем Кукольном сказке, — это социалистическое расточительство.

Зачем 80 человек там, где на Западе управляется один?

Государство, возможно, скоро задается таким вопросом — и скинет обузу с плеч людей. И тогда театры, в которых стесняются давать деньги на детей, не выживут. Необходимые люди государству не нужны. Даже если они делают спектакли, которые всегда собирают полный зал, и в этом зале...

— ...не только злые нормальные дети, — выдыхает Белла Анатольевна. — К нам часто приходят ребята, у которых пораженные двигательные центры, ребята, которых

считают умственно отсталыми. Вот недавно у нас на «Дюймовочке» были беспризорики из приюта — только что собрали ребят с вокзала, с чердаков и уже приводят к нам в театр. Большинство из них прятали лицо, когда я начала с ними разговаривать, они стеснялись, взоры для них представляют какую-то опасность. А после просмотра их невозможно было узнать, они смеялись, смотрели мне прямо в глаза, спрашивали, как мастерить кукол, и можно ли сделать в приюте кукольный спектакль.

Но растерялись, идет Лопухин?

Сегодняшним детям тяжело взрослеть в жестком и прагматичном обществе. Поэтому они с ранних лет торгуют газетками и мисют стеллажи машин. Но ведь плохо, если у человека с детства остаются воспоминания только о том, как он учился считать деньги. В детстве каждого ребенка должен быть свой вышвыль гад, как у Любими Анастасии Равенской. И для многих детей такой сад — Кукольный театр сказки.

Мария СОЛОВЬЕВА